

Сборник стихотворений

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Сборник стихотворений СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

■ Кыта

Старайся этот мир покинуть так,
Чтоб без долгов расчесться с пережитым.

Из мира, не закончив дел, уйти
Не то же ль, что из бани – недомытым?

Невежда в страхе жизнь провел:
Боялся он учиться слову.

И в результате, как осел,
Влачил свой век от рева к реву.

Со мной в походе два коня,
Но пеший я ходок:

Как кони в шахматах, они
Поднять не могут ног.

Как в шахматах, за край полей
Им не дано дорог.

Конь черный подо мной – земля,
А белый конь – песок.

Я, дар души в стихи вдохнув, мечтал,
Чтоб мысль мою тем жаром зажигало.

И потушить огонь, что жег мне мысль,
Живой воды, наверно, было б мало.

О, если бы горение души
Всегда огонь свой мысли отдавало!

Скажу тебе: средь выродков земных
В особенности три породы гадки –

Безмозглый шах, скупой богач,
Ученый муж, на деньги падкий.

Напыщенный болван, от визга распалясь,
Поднять способен чернь во имя злого дела.

Когда петух зовет, копая клювом грязь,
Такого нет дерьма, чтоб курица не съела.

Я столько нагрешил, что в преисподней
Мои грехи весь ад заполонят.

Не легче ли простить меня, всевышний,
Чем новый для других готовить ад?

Среди искусств такое есть искусство:
Оплошность скрыть, коль оплошал твой друг.

И похвалить при всех его заслуги,
А нет их – скрыть отсутствие заслуг.

■ Тююги

То губ нектар иль глаз твоих алмазная слеза ли?
А может быть, твои уста чужой нектар слизали?

Кокетством лук заряжен твой, и стрелы в сердце метят,
Ах, если б блески яда с них на полпути слезали!

Стрела обиды в грудь впилась и сердце мне задела,
Едва утихнувшая страсть опять взялась за дело.

Так предначертано судьбой: мы страстью рвемся к юным,
И до других – кто нелюбим – влюбленным что за дело?

Дугою бровь, как меткий лук; стрелу мне брось навстречу,
Ах, долго ль мне еще, скорбя, лишь уповать на встречу?

Среди луноподобных звезд, что всех затмят красою,
С красой такой, как у тебя, другую разве встречу?

Рубины губ ее – огонь, они мне душу жгут.
Как лук мой стан, лишь потяни за тетиву, за жгут.

Я клятвам верить был бы рад, но искренни ль они
И светоч верности, в тебе зажгут иль не зажгут?

Нет, ты не роза, я правдив в сравненье этом смелом,
По бледности твое лицо соперничает с мелом!

Затворница! Румянец щек тому лишь дан в награду,
Кто не гнушается вином и в страсти будет смелым.

Кинжал разлуки в эту ночь затеял пир и справил,
Но рок, мне печень истерзав, недуг мой не исправил.

Тогда он в Тун меня послал и пыткой мучил в Туне,
Как нужно мучить, – не забыв ни одного из правил.

Пока любимая в Сари, грустить не перестану.
Когда ж сравнения искать для милой пери стану,

Я в сад пойду, в цветенье роз увижу лик прекрасный,
А рядом – стройный кипарис, ее подобный стану.

Бальзам для ран я не нашел, страницы книг листая,
Что тело мне терзает в кровь – не хищных птиц ли стая?

Огонь любви мне душу сжег, и в горькой той пустыне
Не отыскал ни одного целебного листа я.

Жестокий град коварных стрел мне душу поражал,
И в сердце две из них впились, как острых пара жал.

Алмазы горьких слез моих пролив к твоим стопам,
Я взоры россыпью камней бесценных поражал.

Мой взор состарила слеза, в страданиях пролитая,
Но ты, как прежде, – лишь мечта, что дразнит, пролетая.

Один – в тоске я смерти жду, но если ты со мною,
Мой, как у Хызра, долгоденствие, – что ж вспомнил про лета я?

Чтоб ей сказать «не уходи», уста я растворил,
Но замер зов мой на устах и льда не растворил.

Ее капризам нет числа, упорству – нет границ.
Мир удивлен: такое зло каприз хоть раз творил?

■ Фарды

Достиг ты многих благ земных, но к большим не стремись:
Земное благо тянет вниз, святое благо – ввысь.

Горящий уголь без щипцов руками не возьмешь,
Скалу киркой не раздробив, рубинов не найдешь.

Лишь только вспыхнет небосвод – весь мир начнет сиять,
Лишь только страждущий вздохнет – ночь настает опять.

Пускай святыня далека, ступай в суровый путь,
А не достигнешь – все равно ей благодарен будь.

Рука, пласты угля круша, становится черна,
Душа, с народом злым дружа, становится грязна.

Два мира примирить в себе, о друг, нам не дано:
Две лодки схватишь за борта – потонешь все равно.

Слепец, кто вечности искал среди забот мирских,
Глупец, кто верности искал среди сердец людских.

Пусть враг не смотрит на тебя, доверчивым не будь, –
Был незаметным ветерок, а смог свечу задуть.

Не злись, когда решится друг твои грехи назвать,
Не дуй на зеркало свое, чтоб не тускнела гладь.

В любви то правоверный я, то дерзкий еретик,
Ведь для меня один закон – твой лучезарный лик.

Глаза в песочные часы я превратить бы мог –
Из глаза в глаз пересыпать прах от любимых ног.

Сто раз меня отвергла ты, а сердце встречи ждет,
Сто тысяч мук снесет мудрец, но праведным умрет.

Ах, иссякает жизнь моя, я сгорбился, иссох,
И равен сотне вздохов стал мой каждый горький вздох.

Из этой кельи ты одна прогнать могла бы тьму,
Увы, повсюду светишь ты – лишь не в моем доме.

Любимая – цветущий сад, но скрылась вдруг она,
И как смогу теперь узнать: зима или весна?

«Я плакала», – сказала ты, а лик – свежее роз.
Цвети, царица! Суждено лишь мне желтеть от слез.

О псы возлюбленной моей! Когда угасну я,
Хоть вы поплачьте обо мне, как старые друзья.

■ Тарджибанд

О, почему с тобой я не дружу, вино?
Забота и беда гнетут меня давно...

На этот мир земной чем больше я гляжу,
Тем более мое сознание темно!

Хотел небесных тел природу я постичь, –
Не тайна для меня отныне ни одно.

Приход мой в мир земной, уход мой в мир иной, –
Вот этого понять, увы, не суждено.

Ни мудрость многих книг, ни вера в благодать
Загадку разгадать не могут все равно.

Дружить старался я со множеством людей:
В чем жизни цель – никем ответа не дано.

И врач лечил меня, и чудотворец-шейх,—
Неисцелим недуг неразрешимых «но».

И ты бессилен здесь, мой многомудрый пир!..
Все существо мое сомнения полно.

Мне стало тяжело влачить неверья груз,
Терпение мое вконец истощено.

Бегу в питейный дом, прошу вина — гляжу:
Разбитый черепок в руках своих держу!

Я пью. Недуг любви меня скрутил опять.
Я снова меж гуляк, я меж кутил опять.

Мне пьяницы — друзья. Благодетельный пост
В позор и пьяный грех я обратил опять.

И стал кувшин с вином кумиром для меня,—
Мне душу блеск вина заморозил опять.

И, чтоб свободно пить, халат, и коврик мой,
И туфли, и турбан я заложил опять.

О ты, кого люблю, безумный мой кумир!
Всего меня огнем ты охватил опять.

И потому пришел сюда, в трущобы, я —
И душу кабачок мне обольстил опять.

Я понял: из любви лишь ненависть растет,
Любовью и вином лишен я сил опять!

Любовью приведен в проклятый кабачок,
Молю налить вина в разбитый черепок.

● Г а з е л и

■ Чудеса детства

Чаша, солнце отражая, правый путь явила мне.

И раздался голос чаши: «Друг твой отражен в вине».

В чаше сердца – образ друга, но и ржавчина тоски,
Лей щедрее влагу в чашу, исцелюсь тогда вполне.

Если есть такая чаша, то цена ей сто миров.
Жизней тысячу отдам я, с ней побыв наедине.

С тем вином – Джамшида чашей станет черепок простой,
И Джамшидом – жалкий нищий, жизнь нашедший в том вине.

Мальчик-маг, когда пируют люди знанья в кабачке,
Чашу первую ты должен поднести безумцу, мне.

И едва лишь улыбнется в чаше сердца милый лик,
Все, не связанное с милой, вмиг потонет там на дне.

Обрету я миг свиданья перед чашею с вином,–
Кто сказал «вино» и «чаша», видит встречу в глубине.

Только есть другая чаша, и другое есть вино,
Что там ни тверди, отшельник, возражая в тишине.

Навои, забудь о жажде. Кравчий вечности сказал:
«Чаша – жажде утоление, мудрость пей в ее огне!»

В разлуке с любимой ты стала руиной, о крепость моя;
Как в ранах недугов, страданиями твима – ты суть бытия.

Да! Солнце и месяц мой взгляд прояснили и тайну открыли!
И в солнечном лике сияет живая мне сущность твоя.

Окно за окном закрываются ставни от стрел смертоносных.
Где ж вылетит птица надежды и жизни в иные края?

Умру я, сгорая,– пусть плачет, пылая, свеча надо мною,
Под копотью черной янтарного воска потоки лия!

Узнав, что я гибну, враг станет мне другом... что пользы мне в этом?

Коль друг в это время явился мне лютым врагом, как змея?

Как сумрак ненастья, одежды печали рассвет омрачили,
И утро восходит не в царственных ризах, а в клочьях рванья.

Любовь – это гибель, но ты, Навои, не отступишь пред нею –
Пред бездною той, где дрожат лицемеры, смятение тая.

Этот град опостылел в разлуке с луной для меня.
Розы нет, и цветник стал унылой тюрьмой для меня.

О друзья! Вы пируете, в радости пьете вино,
Но лишь горечь и кровь в пиале пировой для меня.

Разум, вера, терпенье покинули тело мое,
Только мука осталась подругой одной для меня.

Этой мукою грудь пронзена, словно тюркской стрелой,
Пусть от новой стрелы она будет броней для меня.

Я в позоре влачусь, я так жалок, что плачут одни,
А другие смеются, взглянувши порой на меня.

Как вода, моя печень ослабла; и в этой воде
Муки смертные чудятся рыбьей игрой для меня.

Мне твердят: «Навои! Позабудь иль расстанься с душой!»
Но забвения нет, есть лишь выход второй для меня.

В гневе ты – любой поступок мой мученье для тебя.
Ты добра – мой грех стократный упоенье для тебя.

Ты со мною то скучлива, то внезапно весела.
Как привыкнуть к переменам настроенья у тебя!

Доброта твоя сражает и убийственен твой гнев,
Своему дивлюсь терпенью в раздраженье на тебя.

Сердце, так тебе и надо: полюбило – и терпи,
Будь хоть каждое мгновенье огорченьем для тебя!

Роза, зная пылких вздохов опасайся, но поток
Слез из глаз моих – спасенье, наслаждение для тебя.

Солнце, не сожги влюбленных: знай, от их горячих лиц
Прибавляется свечение, жар и жжение у тебя.

С солнцем не ищи сравнения. Ты – пылинка, Навои,
Но его пренебрежение – оскорбление для тебя.

Коль пользы от людей все нет, пусть и вреда не будет;
Нет пластыря для ран – шипов пусть никогда не будет.

Пусть чаша красного вина не каждому дается,
Но пусть и кровь из многих чаш течь, как вода, не будет.

Когда надежды нет на жизнь вблизи луноподобной,
Пусть с ней разлука смерти мне сулить тогда не будет.

Когда, с любимой разлучась, ты потеряешь память,
Неважно, если о тебе мир навсегда забудет.

О кравчий! Пьяным напоив, что делать мне прикажешь,
Коль от рассудка моего вдруг и следа не будет?

Вдруг сердце пьяное мое властителя восславит,
А сердцу над самим собой в тот час суда не будет?

Вдохнешь – у пери, Навои, прическу вздох погубит.
Конечно, это не беда. Ну, а стыда не будет?

С холодным вздохом почему спускается по склону утро?
Быть может, ранено, как я, любовью затаенной утро?

А если страстью не горит, подобно мне, так почему же
Свои одежды, как Меджнун, порвало исступленно утро?

Но говори что облака – крапленный киноварью хлопок;
Быть может, кровь свою, как я, из раны льет бездонной утро.

Но вихром солнечных лучей моих очей прорезан сумрак.
То расцарапало лицо зубцом звезды спаленной утро.

Полнеба охватил в ту ночь пожар от искр моих стенаний,
Вращающийся небосвод назвал его влюбленно – утро.

Встань, виночерпий, подними, ликуя, утреннюю чашу!
Когда уйдем, взойдет не раз из пьяного притона утро,

О Навои, захочешь ты – и сад исполнится напевов.
Как роза, никнет ночь. Поет, как соловей бессонный, утро.

Весна без тебя – палача жгут, смертные муки, ад!
В нем красные розы меня жгут, белые – леденят.

Весна без тебя для меня – ад, ад ночи и ад дня.
Но в том раю, где ты без меня, – нет ни льда, ни огня.

Если захочешь меня найти, стать под моим окном,
По лицу моему иди, по бороздам слез на нем.

Как в сладких плодах горькая кость не удивит меня.
Так в сладких устах твоих слов злость не удивит меня.

Не лги про меня, что там в аду гол и бос Навои.
Я одет, обут в печаль и беду – в подарки твои.

Не боюсь лжи и угроз, хотя вижу над головой,
Как секиру в небе занес юный месяц – гонец твой!

Пользы мира ты не жаждай, ибо в нем лишь вред, – не больше.
Жизнью пользуйся – на время входим в этот свет, – не больше.

Странно, что жилье воздвигший приглашает смертных в гости,
Ведь и сам он в этом доме – гость недолгих лет, – не больше.

Не считай себя могучим, смертен ты – ведь слон громадный
Перед комариным жалом – лишь отваги след, – не больше.

В бренную войди обитель – шейх там наторел в торговле!
Пусть зовется ханакою – это лавка бед, – не больше.

Тот, кто в платье златотканом, – пусть кичится неразумно:
Знает мыслящий, что в злато жалкий шут одет, – не больше.

На престол воссев небесный, все равно не будь беспечен, –
В небе ласки ты не встретишь, встретишь лишь рассвет, – не

больше.

Повелитель справедливый должен думать о народе,
Ведь блюсти пасомых благо пастырь дал обет,— не больше.

Если нынче стал скитальцем Навои по доброй воле,
Не горюй, благоразумный,— глянь безумцу вслед,— не больше!

● Г а з е л и

■ Редкости юности

Лик твой, зеркалом сверкая, в мир бросает сто лучей.
Даже солнца свет слепящий превзойден красой твоей.

В жажде жизни дышит солнце ветром улицы твоей —
Ведь в дыхании мессии излечение всех скорбей.

Из предельного рождаясь, входит в вечность бытие,
И начала нет у жизни, и конца не видно ей.

Образ твой — свеча и роза, с мотыльком и соловьем:
Мотылька свеча сжигает, розой ранен соловей.

Есть в Лейли, в Ширин твой облик: без Ширин погиб Фархад,
Потерял Меджнун рассудок от любви к Лейли своей.

В этих именах явила ты любовь и красоту,
Стала ты хирманом муки и грозой для страстей.

Только тот тебя достоин, кто пройдет пустыню «я»,
Ибо — кто взыскует жизни, смысл найти обязан в ней.

Говорить о нуждах сердца моего мне нужды нет,—
Что в стране сердец таится, мыслью видишь ты своей.

Ливнем милости пролейся в сад засохший Навои:
Роза в нем не распустилась и не свищет соловей.

Твоей неверностью, увы, терзаюсь постоянно,
Верна другому ты,— увы, терзаюсь постоянно.

Кому-то верности обет, а мне одни мученья.
Я не желаю знать других. О, будь же постоянна!

Ты казнь пообещала мне, но я окреп внезапно,
Целительней твои слова иных стихов Корана.

То – солнце ль твоего лица, а это – тень от стана,
Волос ли, павших до земли, струя благоуханна?

И утонченный бы не смог понять твои реченья:
Остроты, колкости и смех звучат весьма туманно.

Дела мирские – ночи тьма, вино – источник света.
Слей, кравчий, муть и напой из чистого стакана.

Отнимет душу, Навои, любимая – не сетуй,
Благодари за то, что ей одна душа желанна.

Двух резвых своих газелей, которые нежно спят,
Ты сон развей поскорее, пусти их резвиться в сад.

НАВОИ Низамаддин Мир Алишер. Goşgular